

АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

misterium

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

РОМАН – ОБЛАДАТЕЛЬ
ПРЕМИИ
GOLD DAGGER

РУТ
РЕНДЕЛЛ

ДЕМОН В МОИХ ГЛАЗАХ

РУТ РЕНДЕЛЛ – ЛУЧШАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА
ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МИРЕ.

Time

Рут Ренделл

Демон в моих глазах

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8368195
Ренделл, Рут. Демон в моих глазах: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-75154-9*

Аннотация

Ученый-психиатр Антони Джонсон думает, что знает о предмете своих исследований если не все, то очень многое. Он уверен, что душевнобольных, в силу особенностей их поступков, образа поведения и даже внешних черт, легко отличить от нормальных людей. По крайней мере, специалист всегда признает своего «пациента». Но подчас реальность вносит свои коррективы в сухую теорию. Антони и в голову не могло прийти, что его сосед по дому – немного нервный, но крайне приличный человек, всегда готовый оказать дружескую помощь, – психопат-маньяк, известный по полицейским хроникам как Кенборнский убийца. И что совсем скоро их пути пересекутся самым неожиданным образом...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рут Ренделл

Демон в моих глазах

Посвящается Маргарет Раббс, с любовью

*...Из потока, от истока,
...С красных круч горы высокой,
От светила на заре
В золотистом сентябре,
От зарницы озорной,
Пролетевшей надо мной,
Из грозы, под грома стук,
Да из тучи, ставшей вдруг
На лазурных небесах
Демоном в моих глазах¹.*

Эдгар Аллан По «Один»

Ruth Rendell

A Demon in My View

Copyright © 1976 by Ruth Rendell

The Author has asserted her right to be identified as the author of the work

© Петухов А. С., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес
(www.litres.ru)

* * *

Подвал был разделен на отдельные комнаты. Каждая из них, за исключением последней, была забита мусором, какой обычно загромождаст подвалы старых домов. Здесь валялись сломанные велосипеды, старые, покрытые грибком кожаные чемоданы, деревянные ящики, деревянные стулья без ножек или подлокотников, разбитые китайские вазы, желтеющие старые газеты, или перевязанные веревками, или наваленные просто кучей. Все пространство было забито невероятным количеством коробок и тюбиков от пасты без каких-либо наклеек, удочками, железными кольцами и обрывками проволоки, которые когда-то, очень давно, свинчивали, скрепляли или привязывали что-то к чему-то. Все это было покрыто толстым слоем черной грязи, неизбежной в подвалах. Всюду стоял стойкий запах копоти и плесени. Среди всех этих груд мусора была расчищена узкая дорожка, ведущая от входных ступеней к первому дверному проему без двери, затем ко второму, такому же, и наконец в пустую комнату, расположенную прямо за ним. И именно в этой комнате, невидимая пока в этой кромешной темноте, к стене прислонилась женская фигура. Мужчина спустился по ступенькам с фонарем в руке. Фонарь он включил только после того, как аккуратно закрыл и запер входную дверь. Затем, в тусклом луче света, вошедший медленно пошел по дорожке, среди куч мусора. В подвале было не слышно абсолютно ничего, кроме шаркающих шагов по покрытому грязью каменному полу, однако, войдя во вторую комнату, мужчина убедил себя, что слышал, как впереди кто-то судорожно вдохнул воздух и издал

приглушенный хрип ужаса. Улыбка появилась на лице вошедшего, хотя его била дрожь, а фонарь в его руке слегка подрагивал. У второго дверного проема он поднял фонарь и стал водить им по комнате, двигая луч широкими зигзагами от левого нижнего угла и дальше по направлению к правому верхнему. В луче фонаря были видны неровные стены и оштукатуренный потолок, покрытый паутиной старых трещин. С потолка свисали давно не используемые и проржавевшие электрические провода, а по стене текла струйка воды, спускавшаяся широкой дугой по раскрошенному кирпичу стены и исчезающая в полу. Наконец луч света осветил фигуру женщины.

Ее лицо было абсолютно белым, и ничто не портило его совершенной красоты – ни дефекты кожи, ни нарушенные пропорции. Женщина смотрела на него невидящими глазами. Но мужчине с дрожащим фонарем в руке казалось, что женщина извивается около стены, стараясь как можно глубже вжаться в нее всем своим телом, одетым в короткое черное платье. На ее руке висела дамская сумочка, а на ногах были надеты изношенные черные туфли.

Вошедший ничего не говорил. Он никогда не умел разговаривать с женщинами – он умел делать с ними только одну вещь, и сейчас, подходя все ближе и ближе, мужчина собирался сделать именно ее.

Прежде всего он укрепил фонарь на кирпичной стене на уровне своих колен. Теперь женщина находилась в тени, а комната стала напоминать темную аллею, освещаемую тусклым светом уличного фонаря. Когда вошедший подошел к ней, парализованной страхом, и не встретил никакого сопротивления – хотя ему хотелось бы, чтобы женщина отчаянно сопротивлялась, – он сомкнул пальцы у нее на шее. Сопротивления все еще не было, но то, что произошло в следующий момент, было не менее приятно. Руки мужчины сжимали горло несчастной до тех пор, пока его пальцы не сомкнулись полностью, и в этот момент прекрасное белое лицо изменилось – его исказила судорога, и оно провалилось внутрь. Вошедший издал хрюкающий звук, который должен был означать удовлетворение, когда женщина стала боком заваливаться на пол. Он отпустил ее шею, стараясь справиться со взрывом эмоций у себя внутри, и позволил телу упасть ничком на истоптанный грязный пол.

Мужчине понадобилось несколько минут, чтобы полностью прийти в себя. Он вытер уголки губ и руки чистым белым носовым платком. Закрыв, а затем вновь открыв глаза, глубоко вздохнул. После этого поднял пластиковый манекен и опять прислонил его к стене. Лицо манекена все еще было вдавлено. Он вытер его все тем же платком, а потом, просунув пальцы через дырку около шеи – дырку, которая с каждым посещением становилась все больше и больше, – аккуратно стал выдавливать изнутри ввалившиеся нос, глаза и подбородок до тех пор, пока лицо не приобрело свою первозданную красоту. Мужчина расправил платье и опять повесил упавшую сумочку на руку манекена. Женщина была опять готова к смерти. Может пройти неделя или две, а она все так же будет ждать его. Самым лучшим в его жизни было осознание того, что она там, в этом подвале, ждет следующей смерти...

Глава 1

Дома походили на садки для кроликов. Каждый из них, изначально предназначенный для одной семьи, теперь был разделен на четыре-пять отдельных квартир. Эта неприкрытая теснота подтверждалась наличием множества звонков – в восьмикомнатном доме их могло быть целых семь штук – на входных дверях и мусорными ящиками, заменившими розовые кусты в палисадниках. Медленное угасание было хорошо видно в забитых фанерой окнах, балконных решетках, связанных проволокой, и воротах без замков, монотонно хлопающих на своих столбах.

Дома, расположенные по четной стороне Тринити-роуд, были высокими, с поднятыми полуподвалами, поэтому ступени, ведущие на первый этаж, больше походили на осадные лестницы времен средневековых войн. Фасады домов смотрели на противоположную сторону улицы, где располагались более скромные трехэтажные здания из коричневого кирпича. Перед домом номер 142 была припаркована большая блестящая машина – зеленый «Ягуар». В заднее окно машины была видна фигурка собаки, которая радостно качала головой при малейшей вибрации корпуса, а с зеркала заднего вида в салоне свешивалась кукла-блондинка в раздельном розовом бикини.

На Тринити-роуд, которую все предпочитали проезжать даже не останавливаясь, такая машина выглядела как пришелец с другой планеты. За невысокой кирпичной стеной, отделявшей палисадник дома номер 142 от тротуара, росли два лимонных дерева с обрубленными верхушками. На обрубках уже были видны ростки с кожистыми листьями, делавшие их похожими на доисторические папоротники. За ними находилась крохотная земляная полянка, заросшая травой. В цокольном этаже располагалось эркерное окно, занавешенное оранжевыми занавесками; два окна на первом этаже закрывали поношенные шторы зеленого цвета с дырой в одной из них; окна последнего этажа были не до конца закрыты коричневыми шторами из вельвета, и между ними виднелись легкомысленные кружевные занавески, больше похожие на женскую ночную рубашку.

К передней двери вели пологие ступеньки, сделанные из розового гранита, но невероятно грязные. Сама же дверь могла быть зеленой, серой или коричневой – ее так давно не красили, что определить первоначальный цвет было невозможно. Стекланные вставки в двери – те, которые еще не успели разбиться, – были двух цветов: тусклого зеленого цвета фикуса и темно-бордового цвета кислого вина; из-за этого входная дверь походила на мозаичные окна в церквях прошлого века.

На косяке входной двери располагались пять дверных звонков, и все они, за исключением последнего, были подписаны. Хороший психиатр многое смог бы рассказать об обитателях дома, посмотрев на эти надписи. Надпись под самым верхним была напечатана на пишущей машинке; бумажка была помещена в коричневый, специально предназначенный для этого футляр. На ней было написано: *Квартира № 2. Мистер А. Джонсон*. Под следующим звонком, на карточке, приклеенной клейкой лентой, было размашистым почерком написано: *Джонатан Дин*. Под третьим звонком, казалось, воевали две бумажки: на одной, коричневой, пластиковой, с рельефными буквами, было написано: *Квартира № 1, Б. Котовски*; на другой, теснящей ее бумажке, приклеенной клеем, было написано фломастером: *Миссис В. Котовски*. И, наконец, под четвертым звонком был прикреплен фривольный розовый овал с китайскими иероглифами, написанными кисточкой, которые человек, знающий китайский язык, мог бы прочесть как: *Комната № 1, Ли-Ли Чан*.

Место под самым нижним звонком было свободно, так же как и комната № 2, которая ему соответствовала. В грязном замызганном закутке, располагавшемся под наклонным

потолком, образованным внутренней лестницей, и рядом с входом в свободную комнату располагался офис Стэнли Каспиана, владельца здания и арендодателя. В этот закуток были втиснуты стол и два венских стула. На верху полка, набитых бумагами и занимавших всю заднюю стену, стояли электрический чайник и две чашки с блюдцами. Больше в холле никакой мебели не было, за исключением прямоугольного столика из красного дерева, установленного рядом с перилами внутренней лестницы и смотрящего на туалет нижнего этажа. За столом восседал Стэнли Каспиан. Это было его обычное место, которое он занимал во время своих еженедельных приездов по субботам в номер 142. Напротив него расположился Артур Джонсон. На столе перед ними были разложены платежные ведомости и чеки жильцов. Каждая платежная ведомость помещалась в коричневый конверт, на котором было напечатано имя жильца. Это было изобретение Артура, чем он очень гордился, и поэтому сам напечатал все имена на конвертах. Стэнли старательно записывал что-то в ведомости, сильно нажимая на ручку и ставя никому не нужные точки после каждого слова или цифры.

– Рад, что наконец расстанусь с этим Дином, – произнес он, занеся в ведомость последние 50 пенсов и поставив последнюю точку. – В середине следующего месяца он уматывает.

– Вместе со своим проигрывателем и винными бутылками, которые забили все наши баки для мусора, – добавил Артур. – Уверен, что большинство из нас только перекрестится.

– Только не Котовски. Теперь у него не будет любимого собутыльника. Но, еще раз говорю, слава богу, что он решил съехать сам. Я бы никогда в жизни не смог от него избавиться, и все из-за этого долбаного нового закона о найме. Поставь-ка чайник, старина. Пора бы уже и подкрепиться – одиннадцатый час на дворе.

А до этого был десятый, а потом будет двенадцатый, подумал Артур. Он воткнул чайник в розетку и расставил чашки. Самому бы ему и в голову не пришло есть в такое время, но Стэнли, толстяк, живот которого почти вываливался из рубашки семнадцатого размера², открыл один из принесенных с собой пакетов. Он стал поглощать рогалики с плавленым сыром. Крошки сыпались на грудь Стэнли, однако он не обращал на это никакого внимания. В такие моменты Каспиан походил на гигантского ребенка-переростка. Артур загадочно наблюдал за ним. Он был абсолютно равнодушен к арендодателю. Как и большинство людей, Стэнли не вызывал у Артура никаких эмоций. Самого Артура волновало только, чтобы его уважали, чтобы общался он с правильными людьми и чтобы он занимал соответствующее его понятиям место в обществе.

– Птичка принесла мне на хвосте, что ты собираешься сдать эту комнату, – произнес он, кивнув на дверь у себя за спиной.

– Точно, – подтвердил Стэнли с полным ртом. – А птичка-то была китайская, а?

– Честно признаюсь тебе, что меня несколько покорило то, что ты сказал об этом мисс Чан прежде меня. Ты ведь знаешь, я всегда за открытый диалог. И меня это слегка ранило. В конце концов, я ведь твой самый старый жилец. Я живу *здесь* уже двадцать лет, и думаю, что не ошибусь, если скажу, что никогда не причинял тебе неудобств.

– Это точно. Мне бы хотелось, чтобы все жильцы походили на тебя.

Артур насыпал в чашки растворимый кофе, налил кипятка и добавил по капле холодного молока.

– Не сомневаюсь, что у тебя были на это причины. – Он поднял на Стэнли голубые глаза, такие выцветшие, что они казались белыми. – Наверное, я просто слишком чувствителен.

– Дело в том, – сказал Каспиан, насыпая в чашку уже пятую ложку сахара, – что мне хотелось посмотреть, как ты к этому отнесешься. Понимаешь, этот новый парень – тот, который поселится в комнате № 2, – твой тезка. – Стэнли бросил на Артура настороженный

² Соответствует российскому 44-му размеру воротничка.

взгляд, а затем фыркнул от смеха. – Ну, и что же ты не смеешься? Вот совпадение, а? Мне было интересно, как ты это воспримешь.

– Ты хочешь сказать, что его тоже зовут *Артур Джонсон*?

– Ну, все не так плохо, как тебе кажется. Нет, ну ведь правда, это же очень смешно. Его зовут Антони Джонсон. Теперь тебе придется следить, чтобы почту не перепутали. Ты же не хочешь, чтобы он читал твои интимные письма, а?

Казалось, что глаза Артура стали еще белее, а мускулы на его лице сократились, превратив лицо в неподвижную маску.

– А мне скрывать нечего. Моя жизнь – это открытая книга, – он вдруг попытался сказать это с утонченным, аристократическим произношением.

– А вот его, может быть, нет. Если бы я не был официальным лицом, то я бы сказал тебе, что здесь можно неплохо повеселиться, старина. – Стэнли покончил с рогаликами и достал пончик из второго пакета. – *Сексуальная жизнь взрослого мужчины* – вот такая история будет разворачиваться здесь, прямо перед твоими глазами. Этот дьявол очень хорош собой. Можешь не сомневаться – будет притягивать молоденьких девчонок как хорошая мухоловка.

Артур не переносил подобных разговоров. От них ему делалось физически нехорошо.

– Надеюсь только, что у него есть приличная работа и хорошая кредитная история.

– В этом можешь не сомневаться. Он уже заплатил налом за два месяца вперед, а для меня это гораздо лучше, чем все ваши банковские гарантии, вместе взятые. Парень переезжает в понедельник. – Стэнли тяжело поднялся на ноги; крошки мгновенно засыпали стол, конверты и ведомости. – Надо заглянуть в эту комнату, Артур. Миссис Каспиан сказала мне, что в ней есть ваза для фруктов, которая ей очень нравится, а то ведь малыш Антони все равно ее раскокает.

Артур понимающе кивнул. Если он и его арендодатель в чем-то и сходились во мнении, так это в том, что все остальные жильцы – разрушители по своей натуре. Кроме того, Артур обожал посещать комнаты, которые в обычное время были ему недоступны. К этой же комнате он испытывал особый интерес. Она была маленькая и обставлена всяким барахлом. Артур воспринял это как должное, отметив только про себя, что в комнате очень грязно. Он сразу же подошел к окну. Стэнли, разыскав свою бело-красную фруктовую вазу венецианского стекла среди разномастной посуды и столовых приборов на сушилке, теперь любовался на единственную вещь в комнате, которой было меньше двадцати лет.

– Вот это настоящий умывальник, скажу я тебе, – произнес он, похлопывая по фарфоровому объекту бледно-желтого цвета. – Пятнадцать фунтов, как одна копеечка, включая установку. Помнишь, твои же ребята все и установили.

– Да, это был бракованный умывальник, – заметил Артур рассеянно. – Там в мыльнице течь. – Он смотрел из окна, которое выходило на узкий внутренний двор, окруженный кирпичными стенами. Над стенами можно было увидеть только самые верхушки деревьев. Двор был забетонирован и уже успел позеленеть от лишайника – по двум дренажным трубам по обеим его сторонам текла – а иногда и вытекала – использованная вода из двух верхних квартир и комнаты Джонатана Дина. В стене, находившейся перед окном, была дверь.

– Ты что это там рассматриваешь? – спросил Стэнли не слишком любезно, так как замечание Артура об умывальнике его разозлило.

– Да так, ничего, – ответил Артур. – Просто подумал, что вид из этого окна далек от идеального.

– А чего бы ты хотел за семь фунтов в неделю? Не забывай, что ты тут единственный, кто платит семь бумажек за всю квартиру, и то только потому, что это долбаное правительство не позволяет мне брать больше за немеблированные комнаты. Согласись, что тебе здорово повезло, когда ты въехал в нее, еще до того, как был принят этот гребаный закон. И не

думай спорить. Но времена, слава богу, изменились, и теперь за семь бумажек в неделю все, что тебе остается, это любоваться на дверь в подвал и ни в чем себе не отказывать. Согласен?

– Меня это абсолютно не касается, – ответил Артур. – Надеюсь, что мой однофамилец будет много времени проводить вне дома, как думаешь?

– Если у него с мозгами все в порядке, то да, – ответил Стэнли, потому что именно в этот момент через потолок на них обрушились богатырские звуки третьей части Восьмой симфонии Бетховена.

– Чайковский, – произнес Каспиан с умным видом. – Опять Дин завел свою шарманку. Мне все-таки нравится что-нибудь посовременнее.

– Никогда не увлекался музыкой, – заметил Артур и вышел в холл. – Ну, мне пора дальше. За покупками и так далее. Ты не хочешь выдать мне зарплату?

Держа хозяйственную сумку в одной руке, а пластиковый пакет с грязным бельем – в другой, Джонсон отправился по Тринити-роуд в прачечную самообслуживания на Бразенос-авеню. Конечно, он мог воспользоваться «КоинРамой»³ на Магдален-хилл, но по Магдален-хилл он каждый день ходил на работу, поэтому в выходные предпочитал разнообразить свои маршруты. В конце концов, по некоторым причинам Артур не так уж часто выходил на улицу, и никогда не делал этого после наступления темноты.

Поэтому, вместо того чтобы пройти через проезд Ориэл-мьюз, мимо паба «Водяная лилия», а затем выйти на перекресток, он спустился мимо церкви Всех Святых, где, еще будучи ребенком, тщательно выучив библейский текст, проводил по два часа каждый День Господень⁴. А тетушка Грейси всегда встречала его из церкви ровно в четыре часа. У Артура остались воспоминания, что она всегда ждала его под зонтом. Неужели тогда по воскресеньям всегда шел дождь и терраса на противоположной стороне улицы всегда была в серой дымке? Теперь этой террасы уже не было – место застроено домами с коммунальным жильем.

Джонсон прошел еще какое-то расстояние по пути, по которому они с тетушкой Грейси всегда ходили домой. Сделав предостерегающий знак рукой, пересек Баллиол-стрит по пешеходному переходу. Порадовался, что автобусу маршрута K12 пришлось затормозить перед переходом из-за него одного. Здесь он спустился по Сент-Джонс-роуд, на которой еще сохранились старые дома, построенные каким-то деловым, но не очень прозорливым предпринимателем в конце прошлого века, с фасадами в голландском стиле. Сейчас деревья на улице перед этими домами перемешались с фонарными столбами.

Служащий прачечной поздоровался с Артуром, и тот холодно кивнул ему в ответ. Джонсон всегда использовал только свой собственный стиральный порошок. Та голубая ерунда, которую прачечная предлагала по цене пять пенсов за маленький пакетик, не для него, благодарю покорно. Артур не доверял служителю загружать свое белье в сушилку, а кроме того, всегда с подозрением относился к другим посетителям, как бы они не украли его белье. Поэтому тридцать пять минут он, не шевелясь и ни с кем не общаясь, провел на скамейке перед барабаном, пока не закончился цикл стирки. Особое удовольствие доставил ему тот факт, что его голубые простыни, белоснежные полотенца, нижнее белье и рубашки намного превосходили по качеству безвкусное, купленное на дешевых распродажах белье в соседних машинах. Пока белье сушилось, Артур зашел в мясной магазин, расположенный по соседству, и в зеленую лавку. Он никогда не покупал продукты в супермаркетах, которые управлялись индусами и которых было, к сожалению, очень много в районе Кенборн-вейл. Джонсон тщательнейшим образом отобрал свои бараньи отбивные и выбрал себе кусочек

³ Сеть дешевых прачечных самообслуживания.

⁴ Воскресенье по католическому канону.

нежной говяжьей вырезки к воскресному обеду. Три хорошо прожаренных кусочка он съест в воскресенье, а остальное тщательно порубит и употребит в картофельной запеканке, которую приготовит на понедельник. Фунт стручковой фасоли, и покрупнее, пожалуйста, мне совершенно не нужен полный рот волокон.

Назад он возвращался уже другим путем. С бельем, которое было так аккуратно сложено, что его совсем не надо было гладить – хотя Артур все равно гладил его, – он прошел вверх по Мертон-стрит. Улица была застроена все теми же муниципальными домами, такими высокими, что казалось, что их крыши упираются прямо в тяжелое, затянутое тучами небо. Артур с удовлетворением заметил, что детям запрещалось играть на лужайках, которые разделяли эти дома. Поэтому дети или играли прямо на улице, или уныло восседали на скульптурах, расставленных вдоль тротуаров. Скульптуры эти Артуру никогда не нравились – они выглядели так, как будто их вырезали из скелетов доисторических животных; да еще и назывались они *Весна*, *Общественный Разум* или *Мужчина и Женщина*, – однако он полагал, что детям не следует на них сидеть или играть прямо на улице. Тетушка Грейси никогда не позволяла ему играть на улице.

Когда он вернулся, «Ягуар» Стэнли Каспиана уже уехал, так же как и потрепанный донельзя «Форд» Котовски. В почтовом ящике, как всегда, оказалась куча купонов, предоставлявших предъявителю трехпенсовую скидку на зубную пасту или пробный кусочек мыла тому, кто купит громадную бутылку шампуня. Артур отобрал те, которые могли пригодиться лично ему, и взобрался по лестнице к двери своей квартиры. На середине первого пролета из десяти ступенек была сделана лестничная площадка, и там на стене висел платный телефон. Еще четыре ступеньки – и Джонсон попал на первый этаж. Дверь квартиры Котовски находилась у него по левую руку, дверь комнаты Джонатана Дина – прямо перед ним, а справа располагалась дверь в общую ванную комнату. Дверь в комнату Дина была открыта, и Пятую симфонию Шостаковича можно было легко услышать еще у здания районной управы. По всей видимости, хозяин хотел сделать такой звук, чтобы музыка еле-еле была слышна в ванной комнате, из которой именно в этот момент и появился сам Дин, высокий мужчина с красным лицом и рыжими волосами. Он был голым, за исключением небольшого полотенца, повязанного на манер набедренной повязки.

– Тело – это только жалкие одежды, скрывающие душу, – заметил он, увидев Артура.

Джонсон слегка покраснел. Он был абсолютно уверен, что Дин сумасшедший, и во многом эта уверенность основывалась на том факте, что Джонатан всегда говорил абсолютно книжными фразами.

– Не будете ли вы так любезны слегка приглушить вашу музыку, мистер Дин? – произнес Артур, повернув голову в направлении распахнутой двери.

Поглаживая свою волосатую и покрытую веснушками грудь, Дин пробормотал что-то о том, что музыка врачует душевные раны. Однако, захлопнув дверь с силой, но без обычной злобы, он таки приглушил звук, и когда Артур поднимался к себе на этаж, до него доносились только отдельные звуки славянских мелодий.

Наконец-то Артур достиг своего собственного, отдельного владения. В этом здании ему принадлежал весь верхний этаж. Поставив сумку с покупками и пакет с чистым бельем около двери, он отпер квартиру и со вздохом облегчения вошел.

Глава 2

Артур приготовил себе ланч, состоявший из двух отбивных на ребрышках, картофеля со сметаной и стручковой фасоли. Благодаря покорно, но ваших замороженных продуктов я не употребляю. Тетушка Грейси научила его получать удовольствие от свежей, хорошо приготовленной пищи. Ланч завершился куском сливового пирога, который Джонсон испек в четверг вечером. После этого он сразу же вымыл грязную посуду. Одна из заповедей тетушки Грейси гласила, что только неряхи копят грязную посуду в раковине. Поэтому Артур всегда мыл посуду сразу же, как только заканчивал есть. Он прошел в спальню. Кровать была разобрана. Артур застелил чистые розовые простыни и надел на подушки такие же розовые наволочки. Он не мог выносить вида грязного постельного белья. Однажды, собирая арендную плату, Артур мельком увидел разобранную кровать Котовски. Ужинать в тот день он уже не смог.

Очень тщательно Джонсон стер пыль с мебели в спальне и протер все серебряные колпачки на хрустальных флаконах тетушки Грейси. Мебель в квартире принадлежала к поздневикторианской эпохе – красивая, но немного тяжеловатая. После тщательной полировки она становилась как новая. Артур все еще чувствовал себя виноватым за то, что отказался от традиционного воска и пользовался теперь всякими полиролями. Тетушка Грейси никогда не одобряла легких путей. Он критически осмотрел тюлевые занавески на окнах. Они были слишком тонкими, чтобы стирать их в прачечной, поэтому он стирал их дома руками, раз в месяц. По идее, до срока оставалась еще целая неделя. Но район был такой грязный, а ничто не собирает на себя грязь лучше, чем белые тюлевые занавески. Артур стал снимать их и во второй раз в день оказался перед видом подвальной двери.

В квартире Котовски не было окна, которое выходило бы на эту сторону. Дверь можно было видеть только из его квартиры и из окна комнаты № 2. Это Артур выяснил уже очень давно, еще в самом начале своей жизни в этом доме. За эти двадцать лет в его жизни во внутреннем дворе почти ничего не изменилось. Дверь в подвал никогда не красили, хотя со временем кирпичные стены потемнели, а бетон во дворе выглядел влажным и был зеленоватого цвета. Никто никогда не видел, как он пересекает этот двор, подумал Артур, аккуратно развешивая занавеси на спинке стула, и никто никогда не видел его входящим в подвал. Он смотрел на дверь, погрузившись в воспоминания.

Со Стэнли Каспианом они вместе ходили в школу – начальную школу на Мертон-стрит, – и уже тогда Стэнли был большим, грубым толстяком. И всегда – задирой.

– Тетушкин сынок! Тетушкин сынок! А где твой папашка, Артур Джонсон? – дразнил он Артура, а потом, с находчивостью, неожиданной для любого, кто хоть раз заглядывал в его школьные тетрадки, вдруг выдавал: – *Курица без яйца, у Артура нет отца!*

Но годы делают людей терпимее или, во всяком случае, сдержаннее. Когда они снова случайно встретились на Тринити-роуд в возрасте тридцати двух лет, Стэнли был благожелателен и даже участлив.

– Мне очень жаль, что ты потерял тетушку, Артур. Ведь она была тебе вместо матери, да?

– Да.

– Теперь тебе понадобится новая квартира. Настоящий приют холостяка, а? Не хочешь переехать на верхний этаж 142-го?

– Ну что же, над этим стоит подумать.

Ответ Артура прозвучал чопорно. Он знал, что миссис Каспиан оставила своему сыну много недвижимости в районе Западного Кенборна.

В то время дом больше походил на руины, а верхний этаж был просто ужасен. Однако Артур сразу увидел его потенциал – и всего-то за два фунта десять шиллингов в неделю! Поэтому он принял предложение Стэнли. А через пару дней, когда стал приводить квартиру в порядок, спустился в подвал, чтобы поискать там стремянку.

Она лежала в самой дальней комнате на кипе плотных черных занавесей – затемнения, оставшегося после войны. Она была голой, и ее белая пластиковая кожа выглядела прохладной и блестящей. Артур так никогда и не выяснил, кто притащил ее в подвал и оставил там. Сначала Артур почувствовал себя неудобно, как он чувствовал себя неудобно всякий раз, когда разглядывал обнаженные манекены в витринах магазинов. Но потом, понимая, что он с ней один на один и в подвал никто не войдет, Артур подошел к ней поближе. Так вот как они выглядят в действительности... Со страхом, трепетом и неприязнью он рассматривал две полусферы у нее на груди и слегка выступающий треугольник между ее сжатых ног. Что-то внутри него заставило Артура одеть манекен. В своей жизни он делал так много тайных вещей – почти все, что он делал, или хотел сделать, было тайным, секретным и не предназначенным для чужих глаз, – что он не задумываясь принес из квартиры черное платье, сумку и туфли. Все это когда-то принадлежало тетушке Грейси, и все это он перевез вместе со своими вещами из их старого дома на Магдален-хилл. Кто-то предложил ему передать эти вещи в ближайшую церковь, чтобы их раздали беднякам, но он не мог себе представить, как какая-нибудь грязнуля из Западного Кенборна будет вышагивать в одежде тетушки. У его белой женщины были худые ноги, а ростом она была почти с самого Артура. Платье тетушки Грейси едва доставало ей до колен. У манекена были рыжие нейлоновые волосы, завивавшиеся над скулами. Артур надел туфли и повесил на руку сумку. Для того чтобы лучше видеть, что делает, он ввернул в патрон стоваттную лампочку. Но, опять-таки, что-то внутри него велело ему вывернуть ее. В свете фонаря манекен выглядел как живая женщина, а подвальная комната, с неоштукатуренными кирпичными стенами, выглядела как темная аллея в лабиринте городских улиц. Конечно, одеть ее в одежду тетушки Грейси было святотатством, но именно это святотатство придало всему ощущение реальности и остроты...

Артур задушил ее прежде, чем понял, что делает. Задушил, сжав своими руками ее прохладную гладкую шею. Облегчение, которое он почувствовал, было почти настоящим. Артур опять прислонил ее к стене и вытер ее прекрасное белое лицо. После такого убийства не надо ни бояться, ни прятаться, ни бежать: закон позволяет убивать все, что угодно, если это только не живые люди... Артур оставил ее в подвале и вышел во двор. В то время в той комнате, которая сейчас была комнатой № 2, никто не жил. Да и весь дом был пуст, за исключением его квартиры. А когда комнату № 2 заняли, то первый жилец, как и его последователь, работал в ночную смену и пять дней в неделю уходил из дома в пять часов вечера. Но решение Артур принял уже тогда. Эта женщина его спасет. Она станет для него – как сказали бы те, кто хочет наложить на него свои руки, – его терапией. Женщины, которые ждали в темных аллеях и сами нарывались на неприятности, – они Артура не трогали, их боль и ужас были для него ничем. Однако собственная судьба его очень волновала. И чтобы обеспечить свою судьбу, он убьет в ее лице тысячи женщин – так она спасет его. И тогда уже ничто не будет угрожать ему, если он только не будет выходить после наступления сумерек и не будет пить алкоголь. Со временем Артур даже стал гордиться таким решением. Казалось, что оно камня на камне не оставляло от теорий тех специалистов – а в периоды обострений он их все изучил, – которые утверждали, что у мужчин с его проблемами полностью отсутствуют самодисциплина и самоконтроль над их навязчивой тягой к насилию. Артур всегда знал, что они несут ахинею. Почему у него не может быть ремиссии, как у члена Общества анонимных алкоголиков или пролеченного наркомана?

Но что же будет теперь? Антони Джонсон. Артур, который ставил своей целью знать как можно больше о жизни своих соседей и об их секретах, надеялся, что очень скоро будет

знать все о рутинных действиях нового жильца. Ведь наверняка Антони Джонсон будет проводить два или три вечера в неделю вне дома? А как же иначе? Потому что альтернатива в этом случае совсем не радовала Артура Джонсона.

Ему ничего не оставалось делать, как ждать. Сама мысль о том, что белую женщину можно перетащить к себе в квартиру и убивать ее там, пришла ему в голову лишь однажды, и он ее с негодованием отверг. Артуру претило то, что в этом случае его встречи с ней станут похожими на игру. Только давящий потолок подвала, его запущенность и тусклый свет фонаря, его незаметное приближение придавали всей картине необходимую реальность. Нет, подумал он, она обязательно должна оставаться в подвале, а он подождет и посмотрит, что же произойдет в будущем. Артур отвернулся от окна – и одновременно отодвинул от себя все эти мысли. Его совершенно не интересовала ни она, ни кем она в действительности была. Женщина должна оставаться в подвале, забытая и никому не нужная до тех пор, пока у него не появится необходимость в ней. Именно эти мысли промелькнули в голове Артура, когда он замачивал тюлевые занавески.

Забыв о ней, как мужчина забывает об уступчивой и всегда доступной любовнице, Джонсон перешел в гостиную. Всего через шесть месяцев после смерти тетушки Грейси софу и два кресла заново перетянули, но Артур так заботился о них, что материя все еще выглядела как новая. Он аккуратно почистил мебельный плюш платяной щеткой. Кремовые кружевные мебельные накидки тоже можно простирнуть вместе с занавесками. Артур тщательно отполировал овальный стол из красного дерева, высокий комод, ножки и спинки стульев, взбил сине-коричневые подушки и метелкой из перьев смахнул пыль с двух пергаментных абажуров, расписанных вручную, и с телевизора. Затем этой же метелкой он прошелся по фарфору из Челси⁵, стоявшему в горке.

Теперь очередь за пылесосом. Конечно, громадный ковер бежевого цвета на весь пол влетел ему в копеечку, но он того стоил. Медленно и старательно Артур пропылесосил каждый сантиметр ковра. Он не торопился, надеясь, что Джонатан Дин сможет полностью насладиться ревом прибора, хотя и сомневался, что до него дойдет этот тонкий намек. Наконец прополоскал занавески и мебельные накидки и развесил их на веревках в ванной. Мыть кухню и ванную не имело смысла. Они мылись каждое утро, и это была рутина, которая никогда не нарушалась. Ванная мылась сразу же после утреннего душа, а кухня – после завтрака. Теперь Артур уселся в кресло перед окном, выходящим на улицу, и, оставив все двери открытыми, внимательно осмотрел сверкающую чистотой квартиру. В квартире стоял запах полироли, мыла, жидкости для чистки серебра и трудового пота. Артур вспомнил, как тетушка Грейси, когда он недостаточно тщательно отполировал окно в своей спальне, дала ему монетку в три пенса и послала в «Винтерс».

– Попроси продавца продать тебе фунтик «седьмого пота», Артур. И давай быстренько, одна нога здесь – другая там.

Продавец в магазине хохотал так, что чуть не свалился со своего стула. Но он так и не объяснил мальчику, почему у него не было «седьмого пота», и Артуру пришлось, вместе с трехпенсовой монеткой – в те времена их называли «детенышами» – вернуться домой.

– Я так и думала, что он расхохочется, – сказала тетушка Грейси. – И надеюсь, что ты запомнишь этот урок. – Она погладила руку Артура через серую фланелевую рубашку. – Вот чем добывают «семь потов» – своими собственными руками. Их нельзя купить, а можно только заработать самому.

Артур не обиделся на тетушку, потому что понимал, что она хочет ему добра. Если бы у него был ребенок, он бы поступил точно так же. Детей надо учить, иногда жестоко, и эта наука наставила его на путь истинный. Была бы тетушка довольна, если бы увидела

⁵ Фарфоровая фабрика в Челси, открытая в 1745 г., была первой значительной фарфоровой мануфактурой в Англии.